

Чего ждет общество от духовно-образованного юношества ¹⁾.

Мм. гг.

Всякій разъ, когда, въ началѣ учебнаго года, я встрѣчаю предъ собою аудиторію съ новымъ составомъ слушателей, я спрашиваю себя: какіе запросы несетъ она съ собою, — что ее интересуесть прежде всего и больше всего и на какіе именно вопросы хотѣла-бы она получить отвѣты отъ насъ, своихъ учителей?

Конечно, *общій* отвѣтъ на этотъ вопросъ можно предположить извѣстнымъ: кто идетъ учиться, тотъ хочетъ знать истину, а кто идетъ въ высшее учебное заведеніе, тотъ, — предполагается, — идетъ туда съ цѣлію знать по интересующимъ его вопросамъ высшую истину, на данномъ уровнѣ развитія относящейся сюда группы наукъ. Тоже стремленіе я могу и долженъ заранѣе предположить и въ васъ. „Мы хотимъ истины и только истины“, — такъ могли бы вы отвѣтить на мой вопросъ, по крайней мѣрѣ наиболѣе идеалистично настроенные изъ васъ.

Не сомнѣваюсь, ибо юность всегда и по преимуществу идеалистична.

Однако, словомъ истина, какъ извѣстно, часто злоупотребляютъ. Мы беремъ его обыкновенно въ смыслъ слишкомъ общемъ и, потому, разумѣемъ подъ нею нѣчто неуловимое, неопишемое и непередаваемое. Поэтому, высочайшій идеализмъ, объятый, повидимому, однимъ лишь стремленіемъ къ истинѣ, на дѣлѣ, въ жизни часто граничитъ со скеп-

¹⁾ Вступительная лекція, сказанная студентамъ 1-го (LXI) курса предъ началомъ чтеній по Метафизикѣ.

тизмомъ. Пилаты, съ своимъ искусительно-скептическимъ вопросомъ: „что есть истина“? всегда стояли и будутъ стоять рядомъ съ искателями и исповѣдниками истины, потому что всегда будутъ укрываться за неопредѣленностью и растяжимостью понятія „истина“ и тамъ, за этимъ кровомъ, будутъ чувствовать себя спокойно и неуязвимо. Чтобы вывести ихъ изъ этого, спокойно-равнодушнаго состоянія, необходимо отвлеченно-неопредѣленный вопросъ, — „что есть истина“? — поставить въ конкретной формѣ. Дѣло тотъ-часъ-же приметъ другой оборотъ, если мы будемъ спрашивать не вообще объ истинѣ, а спросимъ, наприм., такъ: „Что есть истина о Богѣ—существуетъ Онъ или не существуетъ? Что есть истина о мірѣ—есть ли онъ машина или цѣлесообразно управляемое цѣлое? Что есть истина о человѣкѣ—есть ли онъ животное или качественно и по природѣ отъ него отличное существо?“ и т. д.

Итакъ, на вашъ предполагаемый отвѣтъ: „мы идемъ сюда съ жаждой истины, ищемъ истины и только истины“, я отвѣчу,—и съ полнымъ, думается, правомъ, — новымъ вопросомъ: *какой* именно истины ищете вы, истины *о чемъ*? Говоря иначе: какую сторону, какой моментъ или элементъ истины вы хотите прежде всего и главнымъ образомъ себѣ здѣсь разъяснить? Вѣдь истина, въ достигнутомъ и завершенномъ состояніи, свойственна лишь Богу, а человѣку и человѣчеству она открывается лишь частично и постепенно,—по мѣрѣ ихъ движенія впередъ, по мѣрѣ ихъ духовнаго подъема, путемъ подвиговъ мысли и жизни. Когда Бэконъ говорилъ, что „истина есть дочь времени“, то вѣдь онъ ошибался лишь въ томъ, что за истинами, частично и постепенно открывающимися человѣчеству, не видалъ единой истины, въ нихъ отражающейся, не видалъ единого и вѣчнаго идеала истины, направляющаго и регулирующаго эти откровенія и отъ вѣка реализованнаго въ умѣ Божіемъ, а—не въ томъ, что ставилъ частичныя истины, и со стороны ихъ происхожденія и по ихъ содержанію, въ зависимость отъ времени. Ибо вѣдь несомнѣнно, что всякое время увлечено разработкой какой-нибудь особенной стороны въ великой и необъятной системѣ истины, подходит къ ней съ своими запросами и приемами. И наше время, безъ сомнѣнія, не представляетъ въ данномъ отношеніи исключенія.

И вотъ я спрашиваю: истинною *какихъ* именно явленій, *какихъ* сторонъ бытія и жизни и въ *какихъ* именно отношеніяхъ вы интересуетесь по преимуществу? Какіе изъ поставленныхъ современностію вопросовъ болѣе всего хотѣли бы вы для себя уяснить и, если возможно, разрѣшить?

Въ мое время, то-есть когда я готовился къ поступленію въ Академію, насъ болѣе всего занимали вопросы космологии, съ моднымъ тогда дарвинизмомъ и вопросами о самозарожденіи живыхъ существъ, самообразованіи (эволюціи) вселенной и т. д., во главѣ. Потомъ, у слѣдующаго поколѣнія, на первый планъ выступили вопросы социологическіе и нравственные. А теперь,—что теперь *васъ* интересуетъ? Какой стороной отражается въ вашемъ сознаніи, какъ и въ сознаніи другихъ юныхъ философствующихъ теологовъ, современность?

Вопросъ весьма естественный, ибо въдѣ современность, вслѣдствіе своей многосторонности въ одномъ сознаніи можетъ отразиться такъ, а въ другомъ иначе, въ вашемъ такъ, а въ моемъ иначе.

Къ сожалѣнію, чѣмъ болѣе отдаляешься отъ юности, тѣмъ менѣе начинаешь понимать ее съ ея, всегда нѣсколько загадочнымъ и неяснымъ, языкомъ, съ ея неопредѣленными стремленіями и увлеченіями, съ ея стихійными порывами, иногда поспѣшными и бурными, съ ея симпатіями и антипатіями, часто и при томъ въ очень значительной степени безотчетными...

Но за то, чѣмъ болѣе отдаляешься отъ юности, съ ея замкнутостію и мечтательностію, чѣмъ болѣе погружаешься въ великую жизнь, съ ея реальными и часто суровыми запросами, съ ея неотступными, потому что живыми и жизненными, требованіями, тѣмъ болѣе и яснѣе начинаешь понимать, чего ждетъ отъ духовно образованнаго юношества само общество и въ какомъ именно отношеніи оно *должно* бы было придти на помощь этому послѣднему, если бы хотѣло оставаться вѣрнымъ своему званію и признанію, — своей, какъ говорятъ философы, идеѣ.

Нѣсколько предваряя дальнѣйшее изложеніе, отвѣчу, — на сколько знаю и могу судить, — на этотъ вопросъ теперь-же. Общество хотѣло бы видѣть въ духовно-образованныхъ юношахъ посредниковъ и истолкователей, которые-бы,

сходя къ нему съ высотъ чистаго богословскаго умозрѣнія, освѣщали-бы, ему простымъ и понятнымъ языкомъ,—непремѣнно простымъ и понятнымъ,—дѣла и заботы житейскія съ высшихъ точекъ зрѣнія и, наводя его на вопросы вѣчные, хотъ сколько-нибудь содѣйствовали-бы возвышенію его надъ прозою и мишурою жизни. Оно хотѣло-бы найти въ представителяхъ духовно образованнаго юношества людей, которые-бы, утверждаясь сами на неподвижной почвѣ началъ своей науки, помогли бы и ему найти точку опоры среди стремительнаго потока современности. Прежде же всего и больше всего общество, еще не совсѣмъ отпавшее отъ Церкви, хотѣло-бы, видѣть въ духовно-образованныхъ и воспитанныхъ юношахъ именно то, къ чему они и призваны, то-есть представителей *внутренней миссіи*, въ духовномъ-ли то санѣ или-же и безъ него, — чтобы оно не переставало быть само собою, но мужественно несло бы предъ вѣкомъ факель христіанскаго идеализма, дабы его свѣтъ „всѣмъ виденъ былъ и въ ту свѣтилъ-бы тьму...“

Говоря это, я руковожусь не общими соображеніями и даже не литературными только указаніями, но непосредственными наблюденіями надъ жизнью. Какъ, повидимому, современный человѣкъ ни далекъ отъ высшихъ въ собственномъ смыслѣ философскихъ, вопросовъ знанія и жизни, но когда, сблизись съ нимъ и вникнешь въ психологію его мысли, то всегда убѣждаешься, что, въ сущности, его глубоко и иногда болѣзненно волнуютъ эти вопросы, что онъ жаждетъ встрѣтить того, кто хотъ сколько-нибудь разсвѣлъ-бы эту тьму, и несказанно радъ бываетъ, когда находитъ такого человѣка.

Чтобы не быть голословнымъ, подѣлюсь съ вами нѣкоторыми изъ моихъ живыхъ впечатлѣній, пережитыхъ минувшимъ лѣтомъ.

Въ началѣ лѣта мнѣ пришлось сдѣлать длинный перѣздъ изъ Москвы на югъ Россіи. Два дня я оставался въ одномъ и томъ-же вагонѣ и за это время у меня былъ всего лишь одинъ постоянный спутникъ, — военный врачъ, человѣкъ уже немолодой, въ чинѣ генерала. Конечно, разговорились. Врачъ оказался человѣкомъ очень серьезнымъ,—не „практикующимъ“ только врачомъ, какихъ большинство, но человѣкомъ науки. Между прочимъ, онъ самъ и самостоя-

тельно занимался очень интересными научными экспериментами, далеко выступающими за предѣлы задачъ медицинской практики (надъ микроорганизмами) и вообще, повидимому, стремится отъ науки не отставать.

Мало по малу вопросъ перешелъ на темы принципиальнаго характера. Оказалось, что въ отношеніи къ этимъ вопросамъ мой спутникъ большой критичистъ: онъ признаетъ лишь то, что видитъ, — простымъ глазомъ или въ микроскопъ, о чемъ говорить ему осязающая рука и созерцающій глазъ. Съ этой точки зрѣнія о такъ называемыхъ „последнихъ вопросахъ“ онъ разсуждаетъ, какъ тотъ вольнодумецъ-эмпирикъ, который говорилъ, что онъ изслѣдовалъ въ телескопъ все небо, а Бога тамъ не видалъ, значитъ, вѣроятно, Его и нѣтъ... Такъ и мой спутникъ: „не разъ“, — говорилъ онъ, — „я анатомировалъ человѣческое тѣло, сдѣлалъ на своемъ вѣку множество вивисекцій и вскрытій, операцій всякаго рода, но души не видалъ, вѣроятно, и нѣтъ ея“.

Такія сужденія и рѣчи меня нисколько не удивляли. Вѣдь они обычны у эмпириковъ! Въ области философіи эмпирики, по большей части, позитивисты.

Однако, мало-помалу за этимъ поверхностнымъ эмпиризмомъ для меня открылся другой слой идей и настроеній, — несравненно болѣе интересный и характерный. Оказалось, что и самому эмпиризму, съ его методами и выводами, мой спутникъ придаетъ лишь очень условное и относительное значеніе.

„— Почему знать, — неоднократно и съ настойчивостью повторялъ онъ, — почему знать, можетъ быть наше познаніе, какъ бы положительно оно ни было, не есть познаніе окончательное и вполнѣ достовѣрное? Вѣдь наше познаніе, есть именно лишь наше познаніе, такъ что, съ иной точки зрѣнія и при иныхъ условіяхъ, таже вещь можетъ оказаться иною. Почему знать, можетъ быть и такъ называемые нами законы явленій вовсе не подлинные и окончательные законы, а подчинены другимъ, которыми, при извѣстныхъ условіяхъ, измѣняются и даже совсѣмъ отмѣняются. Вселенная, — заключалъ онъ обыкновенно, — велика, необъятна а умъ человѣческій, наука постоянно наталкиваются на свои границы: *все возможно...*“

Оказалось, такимъ образомъ, что въ моемъ собесѣдникѣ за позитивистомъ скрывается скептикъ. Но и это еще не особенно характерно само по себѣ, ибо вѣдь, какъ извѣстно, скептицизмъ есть обычный спутникъ позитивизма, какъ этотъ послѣдній есть обычный спутникъ эмпиризма. Нѣтъ, характеренъ въ этомъ скептицизмъ не самъ онъ, но опять таки то, что за нимъ скрывалось, — тотъ, такъ сказать, душевный изгибъ, который имъ задрапированъ, та борьба за возможность внутренней жизни, за право имѣть вѣрованія и надежды, которая вступила въ союзъ со скептицизмомъ, потому что не нашла ничего другаго, лучшаго. Говоря иначе и яснѣе: за скептицизмомъ въ моемъ спутникѣ таился мистицизмъ, глубоко и непоколебимо вѣрующій въ міръ высшій. И весьма поучительно, какъ совершился этотъ переходъ отъ скептицизма къ мистицизму, завершившій первые шаги въ духовномъ развитіи: отъ эмпиризма къ позитивизму, отъ позитивизма къ скептицизму.

„— Лѣтъ десять тому назадъ, говорилъ мнѣ мой интересный спутникъ, у меня умерла жена. Странная смерть и неожиданная! Женщина она была не особенно крѣпкая, но, съ другой стороны, не ввухала и никакихъ особенныхъ опасеній. Всего менѣе предъ смертью. Вдругъ, въ одну несчастную ночь, въ самую полночь, она будитъ меня, называетъ по имени, прощается и — умираетъ. Тихо и спокойно. Со всею своею положительностію я рѣшительно не могъ осмыслить этого факта и примириться съ нимъ. Гдѣ она, да и существуютъ-ли она теперъ вообще гдѣ нибудь и какъ нибудь? Безотвѣтные вопросы!.. И вотъ, когда я сталъ искать утѣшенія и хоть какого-нибудь разрѣшенія тайны, я не нашелъ ничего лучшаго, какъ дѣлать тоже, что въ подобныхъ случаяхъ дѣлаютъ и всѣ другіе, — люди, рожденные и воспитанные въ христіанскихъ традиціяхъ. Я сталъ ходить въ церковь, заказывать заупокойныя обѣдни, подавать просфоры. Съ моей, позитивно-эмпирической точки зрѣнія, это было, конечно, непослѣдовательно. Мнѣ даже говорили объ этомъ мои друзья и знакомые, одного съ моимъ образа мыслей. Но, во первыхъ, — что-же мнѣ оставалось, въ моемъ горѣ, дѣлать, помимо этого? Во вторыхъ, почему знать, можетъ быть вѣдь и дѣйствительно этими путями, то-есть чрезъ церковныя молитвы, устанавливается какое-нибудь,

хотя намъ абсолютно непонятое, таинственное общеніе между мною и умершею. Вѣдь разъ я принимаю, — а я долженъ принять это, — что мой способъ познанаія не есть единственно возможный способъ и наши формы и законы существованія не единственные, то почему мнѣ не принять, что возможны и другіе способы познанаія, какъ и иныя формы существованія? Можетъ быть, моя покойная жена еще *какъ-то* продолжаетъ существовать и, разъ она какъ-бы то ни было существуетъ, она можетъ ко мнѣ *какъ-нибудь* и относиться — настраивать меня безъ звуковъ и словъ, внушать мнѣ свои мысли, равно какъ и наоборотъ...

„— Къ сожалѣнію, продолжалъ онъ съ горечью, среди своихъ колебаній между возможностями я нигдѣ и ни въ комъ не могъ найти поддержки. Мои единомышленники надо мной иронизировали и, въ лучшемъ случаѣ, снисходительно пожимали плечами. Люди противоположнаго лагеря, то-есть представители положительной вѣры, когда я обращался къ нимъ за помощью, приводили мнѣ такія соображенія, убѣдительность которыхъ для меня была въ высокой степени сомнительна, или-же говорили такимъ языкомъ, котораго я совсѣмъ не понималъ. Наприм., одинъ іеромонахъ— сорокоустъ служили въ монастырѣ — посовѣтовалъ мнѣ почитать книги (извѣстныя книги іером. Митрофана и о. Дьяченко), въ которыхъ разсказывается множество случаевъ о видѣніяхъ изъ загробнаго міра. Потомъ я и самъ подыскивалъ подобныя-же книжки. Но онъ меня совсѣмъ не затрогивали. Дѣло въ томъ, что въ нихъ уже *предполагалось* извѣстнымъ, достовѣрнымъ какъ фактъ, то, о чемъ я еще только спрашивалъ. Бываютъ видѣнія. Пусть. Но мнѣ не было видѣній. И я пока долженъ довольствоваться лишь мыслью о возможности ихъ, готовностію къ нимъ. И вотъ я спрашиваю: во имя чего-же я долженъ принимать, какъ положительную истину, посмертное существованіе душъ и, въ частности, души моей дорогой умершей?..“

Съ своей стороны, я назвалъ спутнику нѣсколько книжекъ изъ области интересующаго его вопроса, другаго характера, философскихъ. Оказалось, что нѣкоторыя изъ нихъ онъ уже имѣлъ подъ руками, но во вкусъ ихъ такъ-же не вошелъ. „Нѣтъ“,—повторялъ онъ,—„онѣ написаны не тѣмъ языкомъ и не съ тѣхъ точекъ зрѣнія. Онѣ не отвѣчаютъ на *живые*

запросы. Въ нихъ все отвлеченно, холодно и безучастно...“ И вотъ онъ, какъ улитка замыкается въ свой скептицизмъ и лишь въ немъ чувствуетъ себя, на счетъ своихъ, дорогихъ его сердцу, вѣрованій, относительно безопаснымъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь все возможно для скептика, потому что все одинаково подлежитъ сомнѣнiю! Его вѣра въ потустороннее существованiе есть, конечно, лишь полувѣра. Но онъ держится за нее, потому что видитъ слишкомъ мало для того, что бы утверждать истинность полной вѣры, и слишкомъ много, чтобы совершенно ее отрицать. Онъ — на распутьи и жаждетъ, чтобы кто-нибудь указалъ ему выходъ.

И не онъ одинъ ищетъ теперь, при сходныхъ-же душевныхъ настроенiяхъ, этого выхода. Такихъ людей, какъ мой почтенный спутникъ, въ настоящее время много, — больше, чѣмъ можно предполагать. Какое-то странное, почти патологическое, сочетанiе мистицизма и скептицизма есть характерная черта людей нашего времени, съ которою постоянно приходится на практикѣ считаться. И дѣло это очень трудное. Въ самомъ дѣлѣ, разъ вы начинаете такимъ людямъ что-либо разъяснять и доказывать, — вы невольно должны идти прежде всего противъ ихъ скептицизма. Но именно съ нимъ-то они и не хотятъ разстаться, такъ какъ не только свыклись и внутренне сроднились съ нимъ, иногда въ теченiе долгихъ лѣтъ, но видятъ въ немъ, — и въ немъ одномъ, — непоколебимо-надежную защиту своихъ завѣтныхъ вѣрованій... И вотъ создается какая-то невозможная, глубоко антиномичная задача: *нужно* разсѣять скептицизмъ, чтобы утвердить въ человѣкѣ вѣру, и въ то-же время *нельзя* касаться скептицизма, потому что въ такомъ случаѣ собесѣдникъ тотъ-часъ-же почуветъ въ васъ врага, можетъ быть даже своего личнаго врага... Нужно, чтобы онъ предварительно убѣдился что вы разрушаете его скептицизмъ *не затѣмъ*, чтобы разрушить его вѣру. Тогда онъ будетъ съ вами спокойно говорить. Но и тогда задача для васъ, очевидно, очень трудная.

Я неоднократно убѣждался въ этомъ во время продолжительной бесѣды съ моимъ спутникомъ. Я бралъ различныя точки отправления и всегда получался почти одинаковый результатъ.

Я пытался, наприм., держаться почвы чисто религіозной. Я говорилъ, что, кто вѣритъ въ Христа, какъ Бога, тотъ долженъ вѣритъ и Его словамъ; Христось-же училъ о безсмертіи, о жизни за гробомъ и т. д.

„— Конечно, соглашался мой собесѣдникъ. Но вѣдь кромѣ Христа были и другіе вѣроучители, и они отрицали загробное существованіе—по крайней мѣрѣ личное. Ну, вотъ, хотя бы, наприм., Будда...“

Тогда приходилось брать историческіе образы Христа и Будды,—конечно, лишь въ самыхъ общихъ очертаніяхъ, — сопоставлять ихъ и апеллировать къ непосредственной нравственной оцѣнкѣ, къ свидѣтельству непосредственнаго нравственнаго чувства, чтобы разъяснить, какой образъ выше и какой, слѣдовательно, единственно долженъ быть признанъ образомъ Учителя Божественнаго, такъ какъ другой съ нимъ не совмѣстимъ. Такимъ образомъ, вопросъ переносился въ самые элементы, въ критику скептицизма, въ поиски самоочевидныхъ истинъ и оцѣнокъ, чтобы отсюда шагъ за шагомъ подниматься выше, къ истинамъ болѣе сложнымъ... Трудная задача!

Иногда я пытался держаться почвы чисто научной. При помощи извѣстныхъ въ философской наукѣ аргументовъ, я разъяснялъ, что душа есть самостоятельное существо, которое обнаруживаетъ себя во всей нашей душевной жизни; что, какъ такое существо, она должна и по разрушеніи тѣла сохранить свое существованіе. Я пытался начертать и самый образъ перехода души въ безтѣлесное существованіе: постепенное угасаніе внѣшнихъ чувствъ, съ развитіемъ на ихъ счетъ чувствъ внутреннихъ и т. д. Собесѣдникъ слушалъ внимательно; повидимому, заинтересовывался. Но потомъ вдругъ, и часто совершенно неожиданно, снова замыкался отъ моихъ аргументовъ въ свой скептицизмъ: „а какъ мы можемъ сказать, что наши заключенія и выводы достовѣрны, когда вообще-то наше знаніе недосто-вѣрно“? И вотъ снова приходилось спускаться въ область философскихъ элементовъ, чтобы шагъ за шагомъ добираться до истинъ самоочевидныхъ и отсюда начинать постройку знаній болѣе сложныхъ.

Много требуется при этомъ такта и терпѣнія. Но во всякомъ случаѣ, какъ вы видите, это единственный путь. Жизнь

можетъ научить скептика *иначе*. Можетъ коснуться его и благодать Божія: ибо такіе люди, — искренно ищущіе истины, — всего чаще удостоиваются особыхъ опытовъ жизни, утверждающихъ ихъ въ вѣрѣ, которой они столь страстно ищутъ. Но съ чисто теоретической и объективно-научной точки зрѣнія задача здѣсь, въ концѣ концовъ, сводится именно къ борьбѣ со скептицизмомъ: нужно прежде всего разъяснить систему истинъ самоочевидныхъ, хотя бы и элементарныхъ, чтобы за тѣмъ, на этомъ фундаментѣ, возводить построеніе системы болѣе сложныхъ знаній и вѣрованій.

Я очертилъ предъ вами одинъ типъ людей, съ которыми вамъ придется встрѣтиться, когда вы выступите въ жизнь, на поприще *внутренней миссіи*, — крайне *необходимой* при современномъ состояніи умовъ, особенно въ средѣ такъ называемой интеллигентной. Здѣсь требуются *одни* приемы убѣжденія. Здѣсь *своя и специальная* задача. Но есть, въ современномъ интеллигентномъ обществѣ, люди другаго типа, въ отношеніи къ которымъ задача внутренней миссіи опредѣляется уже иначе: тамъ свои требованія и свои приемы.

Покажу вамъ, опять таки на живомъ примѣрѣ, въ чемъ здѣсь дѣло.

На обратномъ пути съ юга мнѣ пришлось ѣхать въ отдѣльномъ купѣ съ однимъ молодымъ инженеромъ. Въ этомъ спутникѣ судьба послала мнѣ живое и яркое дополненіе къ тому, котораго я очертилъ выше. Тотъ былъ скептикъ, сомнѣвающійся во всемъ и всякомъ значіи и потому считающій для себя позволительною всякую вѣру, — типичный представитель такъ называемый „двойной бухгалтеріи“: христіанинъ сердцемъ, но язычникъ и даже отрицатель умомъ. Этотъ, напротивъ, насквозь проникнуть вѣрою въ „освобождающую силу знанія и науки“. Типичный представитель современнаго молодаго поколѣнія, — показатель высокаго идейнаго давленія на современную молодежь со стороны передовыхъ вождей новѣйшей мысли, отъ Ницше и Толстаго до Максима Горькаго включительно!

Несмотря на то, что философія жизни моего юнаго собесѣдника имѣетъ многочисленные и разнообразныя корни, — у Спенсера, Ницше, Толстаго и проч. — она отлилась у него

въ довольно стройную форму и въ общихъ чертахъ очень проста.

„Наука“, — такъ можно было бы передать ее, — „непрестанно развивается и, развиваясь, совершенствуетъ людей. Изъ дикарей они превращаются въ людей культурныхъ. Въ однородной первоначально толпѣ дифференцируются индивидуальности, которыя вырастаютъ до способности жить личною жизнью, сознательно пользоваться благами культуры и, въ свою очередь, содѣйствовать ея совершенствованію и росту... Содѣйствовать безостановочному шествію прогресса, очеловѣченія первоначальныхъ дикарей, — въ этомъ смыслъ жизни, въ этомъ высшая нравственность, въ этомъ счастье, въ этомъ-же и безсмертіе“.

„—Если я, — пояснилъ мнѣ послѣднюю мысль мой спутникъ, — сознавая себя членомъ единого человѣчества, дѣлаю хотя что нибудь на пользу его общей жизни, ради его прогресса, совершенствованія, то вѣдь мои дѣла и мои слова перейдутъ въ потомство и будутъ жить въ немъ, то-есть въ потомствѣ будутъ жить какъ бы частички меня самаго, въ нѣкоторомъ смыслѣ я самъ... Вотъ, по моему, безсмертіе! Другаго, — *мнѣ, по крайней мѣрѣ*, — не нужно. Надежда на такое безсмертіе и желаніе его совершенно достаточны, чтобы сдѣлать меня нравственнымъ и счастливымъ“...

Здѣсь, очевидно, приходилось имѣть дѣло уже не со скептицизмомъ и нерѣшительностью, но наоборотъ — съ избыткомъ вѣры, вѣры въ силу знанія, въ человѣчество, въ себя... Мои возраженія, поэтому, здѣсь имѣли другую цѣль и другой характеръ.

— Допустимъ, говорю. Но что, съ вашей точки зрѣнія, можетъ заставить *негодня* и человѣка безчестнаго быть лучше? Съ нашей, то-есть съ христіанской точки зрѣнія, къ историческому безсмертію—ибо оно и христіанствомъ не исключается — присоединяется еще другое, безсмертіе въ собственномъ смыслѣ, безсмертіе личное, блаженное для праведныхъ и адски-мучительное для грѣшныхъ. А съ вашей какъ? Что можетъ остановить злодѣя и негодяя? Ужели страхъ предъ „историческимъ безсмертіемъ“, до котораго, разъ не допускается личнаго безсмертія, человѣку въ сущности нѣтъ никакого дѣла? Вѣдь слава, хорошая ли

дурная-ли, отшумить съ жизнью умершаго и перестанетъ для него существовать, такъ какъ вѣдь *его-то* именно уже и не будетъ...

— Далѣе, говорю, вы, повидимому, имѣете очень хорошее понятіе о людяхъ и крѣпко вѣрите въ ихъ собственныя силы. А между тѣмъ и историческій и личный опытъ каждаго ясно показываетъ, что мѣра личныхъ силъ человѣка очень и очень скромна. Гдѣ-же ему искать,—среди своихъ добрыхъ и безкорыстныхъ, но часто не осуществимыхъ, стремленій, восполненія своихъ, повторяю, крайне ограниченныхъ, силъ? Съ нашей, то-есть христіанской точки зрѣнія, ихъ можно искать у Бога, чрезъ молитву. И люди, которые ищутъ такой помощи, свидѣлствуютъ о томъ, что ее получаютъ. А у васъ какъ? Можетъ-ли прогрессъ (онъ вѣдь лишь отвлеченное понятіе, не слѣдуетъ этого забывать),—можетъ-ли прогрессъ дать какую-нибудь помощь? Конечно, нѣтъ. Такимъ образомъ, какъ злодѣю, съ вашей точки зрѣнія, нечего бояться за свои злодѣянія (кромѣ, конечно, кары суда земнаго), такъ вашему добродѣтельному ригористу не на что надѣяться....

„— Но вѣдь ваше безсмертіе и вашъ Богъ,—возражалъ мнѣ мой собесѣдникъ,—суть лишь догматы, простыя вѣрованія“...

— Допустимъ, говорю,—хотя у этихъ догматовъ есть и объективныя, чисто научныя основанія. Но вопросъ пока не въ этомъ. Допустимъ, что эти истины суть дѣйствительно чистые догматы. Ну а ваше-то ученіе о прогрессѣ развѣ не догматъ? На чемъ, въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ концовъ, основана ваша вѣра въ прогрессъ? Что говорить за непрерывное совершенствованіе человѣчества? Посмотрите, — привычныя пороки, переходящіе по закону наслѣдственности отъ родителей къ дѣтямъ, пониженіе идеаловъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, ненормально-ранняя зрѣлость и раннее чахлое старчество, алкоголизмъ и другіе бичи человѣчества,—развѣ все это и многое другое, на что жалуются врачи, моралисты, философы и литераторы, не говорить противъ вѣры въ прогрессъ?.. Безспорно, во всякомъ случаѣ, одно,—что, рядомъ съ совершенствованіемъ извѣстной группы представителей человѣчества, идетъ пониженіе, упадокъ, настоящее декаденство другой. Значить, ожиданіе торжества прогресса есть не

только вѣрованіе, догматъ, но даже такой догматъ, который имѣетъ противъ себя уже и теперь очень сильныя возраженія. Во имя чего-же вы, позволяя *себѣ* питаться вѣрою, запрещаете это *другимъ*? Если христіанинъ вѣруетъ въ своего Бога и въ личное безсмертіе, вѣруетъ въ помощь, сходящую свыше по молитвѣ, такъ, вѣдь, и съ вашей точки зрѣнія, всѣ эти вѣрованія для него по меньшей мѣрѣ такъ-же законны, какъ ваша собственная вѣра въ прогрессъ законна для васъ. Будьте-же послѣдовательны и терпимы!...

„— Пусть,—отвѣчалъ мнѣ мой собесѣдникъ.—Но зачѣмъ мнѣ ваша вѣра? Чѣмъ она лучше вѣры въ прогрессъ, морали альтруизма и вообще всего того, что входитъ въ современную философію жизни, какъ она развита передовыми представителями литературы: Толстымъ, Ницше, и др., какъ она популяризируется нашимъ даровитымъ Горькимъ“? и т. д.

— Лучше, отвѣчаю, хотя-бы уже однимъ тѣмъ, что, принимая въ свой составъ все лучшее что есть въ вашей вѣрѣ,—ибо вѣдь и христіанство, повторяю, учить служить людямъ, помнить объ отвѣтственности каждаго, между прочимъ и предъ потомствомъ, и т. д.,—итакъ, принимая все лучшее въ вашей вѣрѣ, христіанство въ то-же время добавляетъ ко всему этому еще нѣчто. Въ немъ есть, такъ сказать, свои плюсы и при томъ очень важныя: для однихъ страхъ, для другихъ надежда и т. д. Значитъ, на его сторонѣ есть, прежде всего, такъ сказать, уже чисто количественное преимущество, не говоря о качественномъ,—о возвышенности и чистотѣ подлинно христіанскихъ ученій и жизни.

Такъ и въ такомъ приблизительно направленіи велись наши дебаты. Не скажу, чтобы мнѣ удалось достигнуть очень большихъ результатовъ. Юноша былъ самоувѣренъ и не расположенъ къ уступкамъ, которыхъ, видимо, стыдился. Но иное, несомнѣнно, его смущало, колебало его догматическую вѣру въ прогрессъ и въ самодостаточность однихъ человѣческихъ силъ, дѣлало сомнительнымъ мнимое спокойствіе безбожія... Во всякомъ случаѣ, задача здѣсь, какъ видимъ, была совершенно иная, чѣмъ въ случаѣ, очерченномъ выше. Здѣсь требовалось бороться уже не съ избыткомъ скептизма, а напротивъ, съ избыткомъ вѣры въ само-

достаточность собственныхъ силъ человѣка, его собственнаго разума или, точнѣе,—съ избыткомъ самоувѣренности...

А теперь подведемъ итоги.

Я началъ вопросомъ: „какой именно истины пришли искать вы въ Академіи“? и затѣмъ переставилъ этотъ вопросъ такъ: „разъясненія какихъ именно истинъ, какихъ сторонъ единой истины ждетъ отъ васъ общество“? Оказалось, что, при всѣхъ своихъ другихъ интересахъ и глубже ихъ, общество и теперь, какъ всегда, занято все тѣми-же вѣковѣчными вопросами, которые всегда занимали мысль человѣчества,—вопросами существенно и по преимуществу философскими.

И во первыхъ, мы видѣли, что общество,—устами представителя старшаго поколѣнія,—спрашиваетъ: „что-же, въ концѣ концовъ, я могу еще знать съ достовѣрностію“? а устами младшаго: „во что, при всѣхъ своихъ знаніяхъ, я всетаки долженъ вѣрить“? Но вѣдь это и есть основной философскій вопросъ, въ упрощенной формѣ, къ которой подводилъ осторожный Кантъ: „что я *могу* знать и во что я *долженъ* вѣрить“?

Во вторыхъ, общество,—и на этотъ разъ уже согласно устами представителей обоихъ поколѣній,—спрашиваетъ: „какъ я *долженъ* жить и на что *смѣю* надѣяться“? И опять чисто философскій вопросъ, одинъ изъ самыхъ существенныхъ въ философіи, къ которому такъ-же подводилъ методичный Кантъ.

Наконецъ, за этими двумя вопросами, какъ ихъ необходимое предположеніе, чувствуется уже и третій основной философскій вопросъ: „въ какой средѣ и при какихъ реальныхъ условіяхъ я живу или, говоря иначе, что такое міръ и есть-ли надъ нимъ и за нимъ дѣйствительность надмірная, сверхчувственная“?

Вотъ три вѣчные вопроса, которые возникаютъ предъ человѣчествомъ все снова и снова. Мѣняется лишь форма, постановка вопросовъ и приемы ихъ обсуждения, — и въ этомъ, повторяю, необходимо сообразоваться съ требованіями современности,—но сущность остается таже: все тѣже думы о смыслѣ и цѣли жизни, о вѣрѣ и знаніи, долгѣ и счастіи,

реальномъ и надеждѣ, земномъ и небесномъ... И всѣ эти вопросы и думы приводятъ насъ прямо въ область философіи. Въ Академіи изучаются и многія другія науки. Но въ нихъ и за ними все-же чувствуются, въ концѣ концовъ, именно эти вопросы, вопросы по преимуществу философскіе. Отдадимъ-же имъ свое вниманіе, со всею тою серіозностію, которой требуетъ ихъ безспорная важность для нашего времени точно такъ-же, какъ и для всѣхъ другихъ!

Алексѣй Введенскій.

